

Юноша взял новую ткань, смочил её тёплым чаем и аккуратно смочил слегка пересохшие губы Цзи Цаншэна. Чай был из трав, которые он недавно начал использовать, с успокаивающим эффектом.

Цзи Цаншэн не привык к такому обращению и хотел сесть самостоятельно, но Хуа Буюй тут же поддержал его, снял ткань со лба и сел на край кровати, заменив ткань на чашку чая.

Его сильная рука обхватила спину Цзи Цаншэна, и он наполовину оказался в его объятиях. Тёплое и сильное сердцебиение Хуа Буюй отдавалось в его теле, и это было удивительно комфортно.

Выпив пару глотков воды, Цзи Цаншэн не почувствовал особой жажды. Хуа Буюй поставил чашку на прикроватную тумбочку и продолжал поддерживать его, не говоря ни слова.

С тех пор как они встретились в Городке Геккона, этот парень вёл себя странно, но ничего не спрашивал. И это было хорошо, потому что у Цзи Цаншэна пока не было сил на объяснения. Он решил дождаться, пока Хуа Буюй сам задаст вопросы.

Ночь была тихой и спокойной, не было ни ветра, ни звуков насекомых. Лунный свет рисовал в комнате тонкую белую перегородку, останавливаясь у кровати.

В душе Цзи Цаншэна была пустота, которая словно подталкивала его. Хуа Буюй подавил почти переполнявшую его тоску, помог Цзи Цаншэну лечь и снова сменил ткань.

После того как Ли Шуцзюнь рассказала ему о своих наблюдениях, Хуа Буюй не мог избавиться от беспокойства. Оно билось в его груди, словно невидимая рука снова и снова сжимала его сердце.

Вскоре после наступления ночи, не в силах успокоиться, он решил приготовить немного еды и проверить, как дела у Цзи Цаншэна. Однако, подойдя к его комнате, он обнаружил, что свет всё ещё горел.

Хуа Буюй постучал в дверь, но ответа не последовало. Войдя внутрь, он увидел, что кто-то лежит на кровати, словно без сознания, полускрутившись. Свет был включён, одеяло не накрывало тело, дыхание было частым и слабым.

Рука, сжимавшая его сердце, резко дёрнула, заставив его задыхаться. Вся его внутренность будто заняла от боли.

Все слова, которые он хотел сказать, исчезли. Он не мог произнести ни одного. Легко подняв Цзи Цаншэна, он почувствовал, что тот был лёгок, как лист.

Обычно гордый и холодный человек теперь был окутан жаром, его тело было невероятно мягким. Хуа Буюй, сжав губы, осторожно ухаживал за ним. В тишине ночи слышалось только его сердце, готовое выпрыгнуть из груди.

К утру температура у Цзи Цаншэна спала. По логике, даже обычные практикующие редко болеют, не говоря уже о Бессмертном владыке Тяньюань с его уровнем мастерства. Эта болезнь, без сомнения, была связана с событиями в Городке Геккона.

Но Хуа Буюй не задавал вопросов и никому не рассказывал об этом. Он даже не мог пойти к высшему бессмертному Хайхэ за лекарством. Если бы к утру температура не спала, он бы использовал свою кровь. К счастью, всё обошлось.

Человек на кровати спал спокойно. Хуа Буюй сидел рядом, некоторое время смотрел на него, затем собрал свои вещи и ушёл. В столовой он снова приготовил кашу и несколько закусок, заменив прошлогодние блюда.

Думая, что Цзи Цаншэн всё ещё спит, он вошёл без стука, но резко остановился на пороге.

Цзи Цаншэн был наполовину одет в тёмную нижнюю рубашку, воротник лежал на нижней части лопаток, подчёркивая хрупкость его белоснежной кожи.

Человек у шкафа остановился, поправил одежду и, повернув голову, опустил ресницы, с лёгким раздражением в голосе:

— Что ты там стоишь?

Хуа Буюй ошалело шагнул внутрь, закрыв за собой дверь.

Цзи Цаншэн:

— ...

— Учитель, я... — Хуа Буюй торопливо объяснил. — Я думал, вы всё ещё спите.

— Хм. — Цзи Цаншэн посмотрел на коробку с едой в его руках. — Оставь. Я пойду освежусь.

— Но сейчас вода в горах ещё холодная... — Источники на Горе Бессмертного Сна обладали особыми свойствами. На заднем дворе было два небольших источника, зимой они были тёплыми, летом — прохладными. Раньше ученики иногда купались там, но после того как несколько раз случайно встретили Цзи Цаншэна, это место стало почти его личным.

Цзи Цаншэн нахмурился:

— Ничего страшного.

— Тогда я пойду подготовлю. — Этот человек только что болел и был ленив, поэтому вряд ли сам нагрел бы воду. Хуа Буюй опустил глаза, не смея смотреть, поставил коробку с едой на стол и, не дожидаясь ответа, сам ушёл.

Он выглядел слегка растерянным.

В это время года ещё цвели дикие хризантемы. Хуа Буюй быстро собрал целую корзину, нагрел воду в маленьком бассейне и в другом бассейне промыл лепестки, прежде чем добавить их в воду.

Погода уже похолодала, и, когда вода нагрелась, начал подниматься белый пар. Хуа Буюй успел разобрать лишь половину корзины, как появился Цзи Цаншэн.

Вообще, Цзи Цаншэн не любил запах хризантем из-за их горечи и редко использовал их как основной аромат для благовоний. Теперь, когда весь бассейн был наполнен этими лепестками, его недовольство было очевидным.

— Учитель, дикие хризантемы обладают свойствами очищения от жара и успокоения. Вам может стать легче.

Цзи Цаншэн кивнул, и его недовольство исчезло. После болезни он чувствовал внутренний

жар, и горький запах, который обычно ему не нравился, теперь казался освежающим.

Хуа Буюй хотел ускориться, чтобы не заставлял его ждать, но в углу его зрения на краю бассейна появилась светло-серая верхняя одежда.

— ...

Даже стараясь опустить глаза и сосредоточиться на лепестках, он не мог удержаться от взгляда, который сам собой стремился вверх. Он знал, что это непочтительно, но внутри него был голос, подталкивающий его поднять глаза.

В углу его зрения появилась чистая, белая нога с едва заметными венами, такая же стройная, как её владелица, медленно погружающаяся в воду. Хуа Буюй, словно загипнотизированный, проследил взглядом плавную линию ноги до колена, слегка покрасневшего от холода, и выше...

Там его остановила тёмная нижняя рубашка, мокрая и прилипшая к коже, создавая опасную тень.

Осознав, на что он смотрит, Хуа Буюй внутренне вздрогнул, и в ушах зазвенело. «С ума сойти! На что я посмел смотреть на учителя с вождением?!»

Странный зуд охватил его, и он чуть не оторвал себе голову, чтобы извиниться. Но то, что он увидел, словно прилипло к его сознанию, и он не мог избавиться от этого.

К счастью, пар был густым, и ничего не было видно. Если бы кто-то узнал, его бы изгнали из горного убежища.

Тихий звук воды доносился до его ушей, и Хуа Буюй чувствовал, как ему становится всё труднее. «Проклятая память! Зачем мне так хорошо помнить всё?!» Вспомнились горячие источники в Городе Чуньми. Кожа, покрасневшая от тепла, белая нижняя рубашка, сквозь которую просвечивало...

Хуа Буюй сдерживал учащённое дыхание, размышляя, как незаметно установить звукоизолирующий барьер, как услышал тихий смех:

— Если хочешь меня сварить, огня маловато.

— ...Кх. — Хуа Буюй, отвлекшись, действительно закашлялся, и чем больше он кашлял, тем сильнее чувствовал своё состояние. Он быстро положил корзину на колени и ускорил свои действия.

Через пару минут Цзи Цаншэн, видимо, перегрелся. Вода была мелкой, и, сидя в бассейне, она доходила ему только до груди, поэтому он сел на край, опустив ноги в воду, так что кончики пальцев касались дна.

Его кожа была слегка розовой от тепла, но тёмная нижняя рубашка, в отличие от белой, не была прозрачной, а лишь мокрой и прилипшей к телу, подчёркивая его кожу...

Хуа Буюй сглотнул, несколько раз моргнул, чтобы отвести взгляд, и только тогда заметил, что вся корзина с цветами уже пуста.

Неожиданное чувство потери быстро исчезло.

— Учитель, я пойду.

— Подожди. — Голос Цзи Цаншэна был спокоен, словно он ничего не заметил. — Принеси мне ещё одежду.

Он забыл об этом.

— Хорошо. — Хуа Буюй опустил голову, не смея смотреть, взял корзину и спустился с горы, установив несколько слоёв барьеров вокруг.

Оставив источники позади, он вдохнул прохладный воздух, но он не смог развеять накопившуюся тяжесть, от которой онемел корень языка.

Быстро вернувшись в комнату Цзи Цаншэна, он снова почувствовал его запах, который вернул почти исчезнувшее ощущение. Хуа Буюй, с пылающим лицом, взял комплект одежды и снова ушёл, сухо присев недалеко от источников, ожидая, пока его внутренний огонь утихнет.

<http://bllate.org/book/17680/1648315>